

Каждому, кто столкнулся с такой бедой, нужно сначала выплакаться. Просто один вид рыданий Се Ченцзе разбил ему сердце. В прошлой жизни они с Се Ченцзе были неразлучны многие десятилетия, но он ни разу так не плакал...

Лу Яньчжоу очень хотелось обнять и поцеловать его, но он сдерживался. Он вынужден был признать, что каким бы ни был Се Ченцзе, его чувства к нему оставались неизменными.

Сотрудники Управления миров — это души без физической оболочки. Когда они оказываются в малых мирах для выполнения заданий, они проживают очень разные жизни и обладают очень разными личностями.

Для таких как они единственное, что остается неизменным и важным — сама душа. Он влюблен в душу Се Ченцзе.

В прошлой жизни он пытался внушить себе, что осколок души очень отличается от настоящего Се Ченцзе. Но это лишь мысленная уловка, чтобы заставить себя не пересекать черту.

Ведь в конечном итоге это все еще душа, которую он любит, и человек, который сейчас оказался перед ним, неизбежно пробуждает прежние чувства.

— Не переживай... все будет хорошо... с тобой все будет хорошо... — Лу Яньчжоу гладил Се Ченцзе по спине.

С каждым новым поглаживанием по спине рыдания Се Ченцзе становились все тише, пока он не уснул в его объятиях.

Лу Яньчжоу хотел подняться с кровати, но стоило ему пошевелиться, как Се Ченцзе вздрогнул и чуть не проснулся. Немного подумав, он решил не двигаться.

Лу Яньчжоу лежал на кровати и долго думал. Этот мир во многом был параллелью Земли, и дальнейшее развитие событий тоже похоже на земную историю.

Сейчас середина 70-х годов. Высшее образование не получить, разве что по направлению в качестве «рабочего-крестьянина-солдата». Однако уже через три года снова возобновятся вступительные экзамены в вузы.

Сейчас правила в отношении деревенской прописки остаются очень строгими, вывезти Се Ченцзе из деревни просто невозможно. В таких условиях не найти того, кто «научит» его медицинским знаниям.

Получается, ближайшие три года им с Се Ченцзе, скорее всего, придется оставаться в деревне, и только вступительные экзамены позволят им поступить в университет и уехать.

Три года... Се Ченцзе так настрадается за эти три года...

Хотел бы он прямо обратиться к властям и начать делиться знаниями, но это невозможно! Сознание малого мира поймет, что это чужак, и исторгнет его прочь, а платить за это придется Се Ченцзе.

Лу Яньчжоу размышлял, пока Се Ченцзе не погрузился в глубокий сон. Увидев, что тот вряд ли проснется, Лу Яньчжоу осторожно поднялся с постели.

Се Ченцзе жил в доме своих родителей. В нем было две комнаты с окнами на юг, которые

разделяла перегородка.

Одна половина комнаты отводилась под спальню. В другой половине хранились продукты, дрова и другие сухие припасы. Вторая комната была кухней и столовой. Во дворе был свинарник, но свиньи в нем не жили, только две овцы.

Как только Лу Яньчжоу вышел во двор, овцы подбежали вплотную к деревянной изгороди и начали громко блеять — они были голодны.

В этом году Се Ченцзе едва исполнилось восемнадцать лет. Он еще не вырос. Не говоря уже о том, что он исхудал от постоянного недоедания и хромал. Среди деревенских парней он был самым низким.

Он вполне мог выжить в большой семье, но одному ему было слишком тяжело — ведь вся работа по дому и заработки были на нем.

Он держит двух овец, чтобы заработать трудодни (1), но ему было в два раза тяжелее, чем остальным, заготавливать для них траву.

Сейчас он хотя бы взрослый. В детстве, когда он не мог получить трудодни и мог только ухаживать за овцами, другие дети часто воровали траву, которую он с таким трудом косил.

Прежний хозяин тела однажды подошел к нему и вручил охапку свежескошенной травы, и Се Ченцзе был преисполнен благодарности.

Лу Яньчжоу осмотрелся и заметил у стены большую охапку скошенной травы. Он достал ее и накормил овец. Затем нашел запасы зерна Се Ченцзе, поставил вариться жидкую рисовую кашу и заодно разогрел немного соленых овощей.

Как только вода закипела, он перестал подкладывать дрова. Дров катастрофически не хватало. В деревнях у подножия гор с этим было проще, но коммуна Ляньфэн находилась на равнине, поэтому каждая семья экономила топливо. Во время готовки огонь поддерживали совсем недолго, а затем просто оставляли еду доходить в горячей воде.

Поставив кашу томиться, Лу Яньчжоу нашел бумагу и карандаш, которые прежний владелец когда-то подарил Се Ченцзе. Он написал несколько слов, положил записку возле кровати, затем взял бамбуковую корзину и серп Се Ченцзе и вышел из дома.

В те годы не хватало не только еды — даже трава была на вес золота. Домашних свиней и овец нужно было чем-то кормить, но сколько травы можно найти в полях? Часто ее срезали сразу, как только она успевала показаться из земли. А зимой найти хоть что-нибудь было еще труднее.

Лу Яньчжоу три часа бродил под луной в поисках травы. Когда на рассвете он вернулся домой, корзина была заполнена примерно наполовину. Едва переступив порог, он снова услышал жалобное блеяние двух овец, но сначала он пошел не к ним, а в комнату Се Ченцзе.

Тот уже проснулся и молча смотрел на него. Записка, оставленная у кровати, лежала немного в стороне — было видно, что Се Ченцзе ее прочитал.

— Я проснулся пораньше и сходил накопить травы, — тихо объяснил Лу Яньчжоу, подходя ближе.

Он привычно коснулся ладонью головы Се Ченцзе.

— У тебя поврежден позвоночник. Не двигайся. Я сейчас принесу тебе поесть.

Каша, которую он сварил ночью, давно настоялась и стала мягкой, но успела остыть. Лу Яньчжоу подбросил в печь пару поленьев, немного подогрел ее, налил в миску, добавил ложку коричневого сахара и принес Се Ченцзе. Такая каша получалась не слишком вкусной, но в эти годы никто не привередничал к еде.

Се Ченцзе молча смотрел на него, прикусив губу.

— Давай же, тебе нужно больше есть, — мягко сказал Лу Яньчжоу. — Тогда быстрее поправишься.

Се Ченцзе долго и неотрывно смотрел на него, но потом наконец открыл рот и начал медленно есть. Вдруг выражение его лица резко изменилось. Он поспешно потянулся к краю кровати, словно хотел достать что-то из-под нее.

— Что ты ищешь? — спросил Лу Яньчжоу.

В следующую секунду Се Ченцзе бессильно опустился обратно на кровать.

И тут Лу Яньчжоу все понял. Он коснулся одеяла — оно оказалось мокрым. У Се Ченцзе было недержание.

Значит, только что он пытался дотянуться до ночного горшка, стоявшего под кроватью. При параличе недержание — обычное явление.

Однако по тому, что произошло сейчас, Лу Яньчжоу понял: состояние Се Ченцзе было не самым тяжелым. Он все еще немного чувствовал позывы, просто чувствительность была очень слабой.

Если хорошо ухаживать за ним и заниматься восстановлением, со временем он, скорее всего, сможет контролировать мочеиспускание.

Но сейчас... На улице было холодно. Оставлять его лежать в мокрой постели было нельзя.

Лу Яньчжоу протянул руку, чтобы снять с него одеяло.

— Уходи! — Се Ченцзе крепко вцепился в него.

— Если не будешь слушаться, я выйду на улицу и закричу, что мне нравятся мужчины, — пригрозил Лу Яньчжоу.

Се Ченцзе отпустил одеяло. Тогда Лу Яньчжоу осторожно начал снимать с него мокрые штаны. Как только ткань соскользнула вниз, он увидел его больную ногу.

Нога была худой до невозможности. Казалось, на кости просто натянули тонкий слой кожи — ни капли мяса.

Руки Лу Яньчжоу невольно задрожали. Он как можно быстрее передел Се Ченцзе в сухие штаны.

Запасного одеяла у того не было. Лу Яньчжоу накрыл его сухой частью старого одеяла и

сказал:

— Подожди меня. Я схожу за своим постельным бельем.

С этими словами он вышел.

Се Ченцзе долго смотрел ему вслед, сам не понимая, что чувствует. Когда Лу Яньчжоу увидел его ногу... Не показалась ли она ему уродливой? Не почувствовал ли он отвращение?

Может быть, теперь он больше никогда не захочет его видеть? Даже если сама нога не вызвала у него брезгливости... Ухаживать за лежащим человеком — тяжелейшее дело.

Стоит Лу Яньчжоу позаботиться о нем несколько дней, и он наверняка устанет.

В деревне были старики, прикованные к постели после паралича. Даже родные дети нередко начинали ими тяготиться, а ведь Лу Яньчжоу ему вовсе не родственник. У него нет никакой обязанности оставаться рядом.

Се Ченцзе хотел прогнать его. Но в глубине души... Он не мог не надеяться, что Лу Яньчжоу все-таки не станет его презирать.

«Какой же я эгоист...».

Наступило утро. Стоял сильный холод, и каждому хотелось подольше понежиться под одеялом. Но крестьянам нужно было работать в поле, а значит, вставать приходилось еще затемно.

Молодые люди, приехавшие в деревню по распределению, тоже поднялись рано. В Ляньфэне таких образованных юношей и девушек было немного.

Юноши жили в одном доме, девушки — в другом, а позади домов находились общая кухня и сарай.

Сегодня дежурный уже начал готовить завтрак. Помедлив, он спросил красивого юношу лет семнадцати с красными губами и светлой кожей:

— Лу Хунсин, твой брат вчера так и не вернулся. Нам готовить ему завтрак?

— Не надо, — высокомерно ответил Лу Хунсин, вскинув подбородок. — Он наверняка уже поел в городке.

Лу Хунсин был младшим братом Лу Яньчжоу. Два года назад они вместе приехали в эту деревню по распределению.

Лу Яньчжоу все очень любили. Если у кого-то случалась беда, он первым приходил на помощь. Работал старательно, никогда не ленился, поэтому и жители деревни, и остальные образованные юноши относились к нему с уважением.

Лу Хунсин же был его полной противоположностью. В первый же день после приезда он поссорился со старожилками только потому, что увидел в постели клопов.

Потом постоянно отлынивал от работы, хитрил, искал способы увильнуть от любых обязанностей и нередко устраивал истерики. Ни другие образованные юноши, ни деревенские его не любили. Если бы не уважение к Лу Яньчжоу, его давно бы уже начали избегать.

Услышав Лу Хунсина, все сделали вид, что не заметили его презрительного тона, и перевели разговор на Лу Яньчжоу.

— Хорошо, что тогда был Лу Яньчжоу. Иначе та свиноматка точно убежала бы, и попробуй потом найди ее.

— Найти-то, может, и нашли бы, только вот поймать живой было бы непросто. Помните, как в соседней деревне свинья сбежала? Ее пришлось забить насмерть, прежде чем смогли вернуть...

— А ведь эта свиноматка каждый раз приносила самый большой приплод. Жалко было бы потерять ее.

— Да что там свинья... Больше всего жалко Се Ченцзе. Староста говорил, что теперь он останется парализованным.

— И что ему теперь делать?

— И без того жизнь была несчастная...

...

При упоминании Се Ченцзе несколько образованных юношей неловко переглянулись. В этот момент один из молодых ребят, примерно ровесник Лу Хунсина, сказал:

— Но ведь брат Лу будет за ним ухаживать, разве нет? Староста вчера так говорил.

— Это староста сказал. Только вот Лу Яньчжоу ему вообще никто. Почему именно он должен заботиться о Се Ченцзе? Пусть родственники этим занимаются... — возразил один из старших образованных юношей.

Когда вчера староста вернулся, он рассказал, что Лу Яньчжоу сам вызвался ухаживать за Се Ченцзе, но никто толком не знал, правда это или нет.

Все понимали, что уход за лежачим человеком — тяжелый труд, поэтому старшие считали, что Лу Яньчжоу не стоит брать это на себя.

— Брат Лу и раньше всегда заботился о Се Чэнцзе. У него доброе сердце. Он не может спокойно смотреть, как кто-то страдает, поэтому сам предложил помочь. Староста тоже говорил, что это была его инициатива, — вздохнул молодой юноша. — Брат Лу просто слишком добрый.

Остальные согласно закивали.

Да, Лу Яньчжоу действительно был слишком добрым человеком. Именно поэтому окружающие нередко пользовались его добротой.

Увидев выражения их лиц, Лу Хунсин презрительно усмехнулся.

— Вы слишком хорошо думаете о моем брате. Он вовсе не святой! Если попросить его о какой-нибудь мелочи — поможет. Но если дойдет до серьезного дела, он первым сбежит подальше!

Лу Хунсин терпеть не мог этого лицемера Лу Яньчжоу. Он слишком хорошо знал собственного брата. Перед посторонними тот изображал праведника, но на самом деле был очень расчетливым и корыстным.

Не говоря уже обо всем остальном, взять хотя бы уход за парализованным. Лу Яньчжоу был помешан на чистоте и совершенно не отличался терпением. Заботиться о лежащем больном? Да это просто невозможно.

— Лу Хунсин, не говори ерунды! Брат Лу совсем не такой!

— Верно! Лу Яньчжоу не способен на подобное!

— Хватит постоянно очернять собственного брата!

Образованные юноши наперебой стали возражать.

— Да я вовсе его не очерняю! Если не верите — сами увидите. Мой брат обязательно найдет предлог отказаться от этого дела! — уверенно заявил Лу Хунсин. — Я его родной брат, уж кому, как не мне, знать его характер? Если он действительно станет ухаживать за Се Ченцзе, я буду звать его папой!

Услышав, насколько уверенно он это сказал, остальные невольно засомневались.

А в этот момент как раз вернулся Лу Яньчжоу. Лу Хунсин сразу же торжествующе улыбнулся:

— Видите? Мой брат вернулся один... Наверняка бросил Се Ченцзе в больнице!

— Брат Лу не такой человек! — сердито возразил молодой юноша, который все это время защищал Лу Яньчжоу.

Увидев, что тот подходит ближе, он громко спросил:

— Брат Лу! Как там Се Ченцзе? Где он сейчас?

Лу Яньчжоу улыбнулся.

— С ним все в порядке. Он уже дома.

— Так быстро вернулся из больницы?

— Мы вернулись не сегодня. Мы приехали еще вчера вечером, — объяснил Лу Яньчжоу.

— Брат Лу... Ты вчера ночевал у Се Ченцзе?

— Да, остался у него. В будущем перееду к нему жить. Так мне будет удобнее ухаживать за ним.

Стоило этим словам прозвучать, как все образованные юноши дружно повернулись к Лу Хунсину.

Ну что, не пора ли начинать называть его папой?

Лу Хунсин: «...».

1. Трудодни — замена денег в китайских деревенских «народных коммунах», заимствование из советских колхозов. За каждый отработанный день крестьянину начисляли определенное количество баллов в зависимости от тяжести работы, потом эти баллы обменивали на часть урожая. В конце 1970-х систему трудодней и коммун отменили, деревни перешли на рыночные

денежные отношения.

<http://bllate.org/book/15134/1865007>